

УДК 304.2+378+811+395

**Воевода Е.В.,
Неволин Н.С.,
Клепикова Е.А.,
Ерхова М.А.**

МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН И РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: полиэтничность, образовательное пространство, культуры низкого и высокого контекста, полиактивные, моноактивные и реактивные культуры, значительная/незначительная дистанцированность от власти.

Публикация подготовлена при поддержке МГИМО (университета) МИД России в рамках конкурса на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук

© Воевода Е.В., 2016
© Неволин Н.С., 2016
© Клепикова Е.А., 2016
© Ерхова М.А., 2016

Российская Федерация – полиэтничная страна, укрепляющая политико-экономические и культурные связи со странами постсоветского пространства. Среди факторов, способствующих укреплению исторически сложившихся связей, одно из первых мест принадлежит образованию, выступающему в качестве инструмента «мягкой силы» в межгосударственных отношениях. В реализации государственной политики развития интеграции важным компонентом является человеческое измерение: существенную роль играет «поддержка интеграции в молодежной среде, понимание ее целей, задач, перспектив. В этом смысле большое значение имеет сотрудничество вузов» (Торкунов, 2013, с. 11).

За последние тридцать лет значительно выросло количество так называемых «мобильных студентов» – набирает силу процесс образовательной миграции. «Высшее образование становится все более привлекательным, а количество студентов в стране – индикатором ее успешного развития» (Касаткин, Харкевич, 2013, с. 274). Неслучайным является приток в российские вузы студентов из стран постсоветского пространства: «российская высшая школа при всех ее замечательных национальных традициях... развивается сегодня в системе координат общемирового образовательного пространства» (Торкунов, 2012, с. 86). А традиционные исторические связи между странами, большая финансовая и языковая доступность, чем в других странах, привлекают в российские вузы иностранных студентов, в первую очередь – из стран СНГ.

Однако современная ситуация в корне отличается от той, которая существовала в вузах РСФСР, где также обучалось немало студентов из союзных республик: в советский период преподаватели ориентировались на

«усредненного» студента, не придавая особого значения культурологическим факторам в учебно-производственной коммуникации. Это объяснялось существованием в тот период особой исторической общности «советский народ», что предполагало единую модель коммуникации в образовательном пространстве вуза как для преподавателей, так и для студентов. Сегодня ситуация в корне изменилась: акцент делается на уважении этнокультурной самобытности студента.

Как отмечает Л.П. Костикова, «культура изначально неотделима от этнической и национальной почвы, а значит, ее преломление в контексте образования затрагивает вопросы социально-политического характера» (Костикова, 2008б, с. 4), и актуальность осознания необходимости учитывать культурологические факторы в образовательном процессе для «большинства полиэтнических государств... стала частью их государственной политики» (Костикова, 2008а, с. 25). Эти вопросы необходимо решать не только на государственном уровне, но и на уровне конкретных университетов: для эффективного общения и обучения преподавателям необходимо знать и учитывать в организации учебного процесса этно- и лингвокультурную специфику студенческой группы.

Цель исследования: определить, к каким типам культур относятся культуры некоторых регионов России (Якутии, Татарстана, Башкортостана), а также стран ближнего зарубежья (Азербайджана, Абхазии, Армении, Грузии, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Молдавии, Украины, Белоруссии, Приднестровья). Задачи исследования: разработать анкету, провести опрос и интервьюирование студентов МГИМО и некоторых других вузов; проанализировать собранный материал и определить, представите-

лям каких культур необходимо преодолевать коммуникативные барьеры в общении, вызванные несовпадением поведенческих моделей.

В ходе проведения исследования был использован комплекс методов. Для сбора исследовательского материала выбраны метод наблюдения и метод анкетирования и интервьюирования. Для обработки материалов, полученных в ходе анкетирования и интервьюирования студентов, использовался метод анализа. При классификации изучавшихся культур использовались метод систематизации и метод синтеза.

Образовательная среда университета как «организации, осуществляющей профессиональную подготовку, – это зона развития личности студента и подготовки к профессиональной деятельности» (Воевода и др., 2016, с. 52). В вузе происходит подготовка студента к предстоящему профессиональному общению, формируется система профессиональных ценностей. «Профессиональные ценностные ориентации личности – это базовая характеристика личности будущего специалиста, основным содержанием которой является система отношений к интегративным ценностям профессии и готовность действовать в профессиональной сфере в соответствии с ними» (Романова, 2009). Не будем забывать о воспитательной функции высшего образования: поликультурная среда вуза позволяет осуществлять поликультурное воспитание студента, «выступающее во многих работах как синоним поликультурного образования» и являющееся неотъемлемой частью формирования личности. Являясь местом пересечения различных этнокультур, образовательная среда вуза непосредственно «влияет на эффективность учебно-профессиональной коммуникации» (Жукова, Белогуров, 2012, с. 5).

В современном обществе неизбежны социокультурные изменения, в том числе в образовании, которое сегодня базируется на субъект-субъектных отношениях, т.е. «на паритетном участии педагогов и учащихся в организации и осуществлении совместной деятельности» (Шишлова, 1992, с. 3), и рассматривает студента как субъект, а не объект обучения, предполагая «обеспечение сотрудничества всех субъектов образования... признание за каждым участником права на собственную позицию и мнение; признание каждого субъекта общения индивидуальной и уникальной личностью; открытое проявление собственных чувств и эмоциональных переживаний» (Шишлова, 2015, с. 86).

Однако нельзя допускать, чтобы субъект-субъектные отношения приводили к конфликту нравственных ценностей, определяемых воспитанием, и требований образовательной организации. В связи с этим для преподавателя становится значимым понимание динамики развития этнического самосознания в онтогенезе. По мнению Е.Н. Махмутовой, опора на ресурс этнического самосознания позволяет развивать более сильные личностные основания студента: такой подход является важным в условиях многонациональной среды, а также в работе со студентами – выходцами из семей этнических меньшинств, которые иногда «подвергаются насмешкам сверстников за свою внешность, особенности произношения, обычаи» (Махмутова, 2008, с. 117).

В конце XX – начале XXI в. специфика коммуникации в профессиональной сфере стала рассматриваться в контексте различных вариантов классификации культур, предложенных Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарсом, Э. Холлом и Р. Льюисом (Hofstede, 2003; Lewis, 2000; Trompenaars, Hampden-Turner, 2004). Современные классификации

культур основываются на поведенческих императивах, восприятии времени и пространства, открытости и уклончивости в речи и т.п. Р. Льюис справедливо замечает, что использование современной классификации «даст нам возможность: предсказывать поведение; объяснять, почему люди делают то, что делают; избегать обид; искать единения» (Льюис, 2013, с. 48).

В соответствии с предложенной новой классификацией культуры делятся на коллективистские (Китай, Иран, Турция и др.) и индивидуалистские (США, Канада, Великобритания, Нидерланды и т.д.), культуры высокого и низкого контекста (представители низкоконтекстных культур – Германия, Швеция, Канада – говорят прямо, открыто, их слова нельзя интерпретировать двояко; представители высококонтекстных культур – Греция, Корея, Египет – менее прямолинейны, их речь имплицитно больше, чем выражают слова, им свойственны не прямые отказы), культуры моноактивные (Швейцария, Австрия, Япония), полиактивные (Испания, Бразилия, Индия) и реактивные (Япония, Финляндия, Турция). В культурах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока высокая степень дистанцированности от власти выражается в проявлении уважения к старшим по возрасту и социальному положению (переходящего в подчинение), в то время как для культур с низкой степенью дистанцированности от власти (США, Великобритания, Франция) характерно как уважительное отношение к старшим по возрасту и социальному статусу, так и понимание того, что собеседники равны и могут проявлять инициативу в профессиональных вопросах.

К сожалению, информация о том, к какому типу культур относятся культуры народов Российской Федерации и стран постсоветского пространства, в научной литературе представлена весь-

ма скучно, хотя знание поведенческой специфики представителей этих культур весьма важно для преподавателей вузов, управленцев, бизнесменов – для всех, кто осуществляет общение в поликультурной среде. В связи с этим в Московском государственном институте международных отношений (университете) было проведено изучение поведенческих императивов представителей этнокультур России и ряда стран ближнего зарубежья с целью определения типа культур, к которым они относятся. Ниже приводятся результаты анализа данных, полученных в ходе анкетирования, интервьюирования и бесед со студенческой молодежью МГИМО МИД России и других московских вузов.

Анализ данных, полученных в результате анкетирования и интервьюирования студенческой молодежи в возрасте от 18 лет до 21 года позволил получить результаты, приведенные ниже.

Азербайджанцы общительны и многословны, склонны к использованию импликаций (многозначность слов, метафоры, прецедентные тексты) и жестикюляции. Они почти не дают прямых отказов, не желая обидеть собеседника. Это может привести к недопониманию, неверному интерпретированию слов говорящего. Азербайджанцы любят шутки и юмор, довольно легко меняют планы и, скорее, непунктуальны. В своем большинстве придерживаются либеральных взглядов относительно развития современного общества. Во многом с азербайджанской этнокультурой схожи *грузинская* и *абхазская* культуры. Однако стоит отметить особую замкнутость грузинских и абхазских коллективов, которые почти не принимают в свой близкий круг общения представителей других культур. В отличие от азербайджанцев, грузин и абхазов, *армяне* обладают большей эмоциональной сдержанностью и пря-

мотой в общении. Они немногословны, в большей мере придерживаются традиций. Может сложиться впечатление, что общение коренных жителей *Южной Осетии* с представителями других культур носит деловой или даже вынужденный характер. Осетины могут полностью раскрыться и показать «настоящих» себя только в кругу соотечественников. Представительницы данной этнокультуры особенно послушны и морально образованы. Не стоит путать Южную Осетию с *Северной*, чья этнокультура во многом схожа с русской вследствие ассимиляции. При взаимодействии с представителями любой из кавказских этнокультур, особенно с несколькими одновременно, следует учитывать историю региональных межнациональных конфликтов и иные особенности, чтобы не провоцировать рознь и не смущать собеседников.

Этнокультуры *Центральной Азии* значительно схожи друг с другом. Это объясняется экономико-географическим положением стран, их взаимосвязанным историческим прошлым, лингвистической схожестью государственных тюркских языков (за исключением таджикского), что всегда способствовало активным региональным контактам и культурному обмену. Представители этнокультур региона очень общительны и активны, любят праздники и готовы отмечать их по нескольку раз. Они много шутят, любят танцы и очень гостеприимны. Между тем необходимо отметить, что представителям этнокультур Центральной Азии не свойственна прямолинейность в общении. Они уклончивы, активно используют мимику и жесты. Пунктуальность играет незначительную роль, равно как и план, который в любой момент может быть скорректирован. Узбеки менее терпеливы, когда слушают выступающего, чем другие народы Центральной

Азии, могут перебивать (Льюис, 2013, с. 413). В странах Центральной Азии показательно особое уважение к старшим представителям родной этнокультуры, даже к незнакомым. В центрально-азиатских культурах строго соблюдается иерархия. Образование ориентировано на учителя, а наука – на основателей школ, руководителей научных организаций и других, обладающих формальным признанием лиц (Коннов, 2013).

Этнокультуры *Беларуси, Украины, Приднестровья и Молдавии* в значительной мере схожи с русской. Среднестатистический представитель любой из вышеуказанных культур в общении открыт и прямолинеен, но, несмотря на это, довольно часто использует намеки. Он много шутит, деятельность его спонтанна, а план действий обычно прилизителен. Пунктуальность и другие формальности отходят на второе место, если речь идет об отношениях между людьми. Групповые цели важнее личных. Культуры указанных стран относятся к коллективистским культурам высокого контекста и являются полиактивными и дистанцированными от власти.

Представители *якутской* этнокультуры обычно немногословны и терпеливы. Они не любят, когда их перебивают, и сами этого не делают. То же касается и прерывания в процессе какого-либо вида деятельности. В подавляющем большинстве якуты – интроверты. В процессе общения мимику и жесты почти не используют. Предпочитают новости из официальных источников. Таким образом, якуты относятся к высококонтекстным и реактивным культурам, дистанцированным от власти.

Якутская этнокультура в чем-то схожа с *башкирской*. Однако, в отличие от якутов, башкиры в большей мере стремятся к пунктуальности, могут даже пренебречь общением с людьми ради сохранения плана и договоренностей.

Также они предпочитают новости из официальных источников, хотя готовы пользоваться и иной информацией.

Что касается *татарской* этнокультуры, ее представители общительны и словоохотливы, большинство из них – экстраверты. Они много жестикулируют, используют намеки и многозначность слов. Хотя и башкиры, и татары относятся к коллективистским культурам, башкиры скорее относятся к реактивным культурам (с элементами моноактивности), в то время как татары – ярко выраженные полиактивщики.

Анализ полученных результатов позволяет заключить следующее:

- культуры Кавказа и Закавказья являются высококонтекстными, коллективистскими, полиактивными, значительно дистанцированными от власти, при этом осетинскую культуру можно отнести к реактивным культурам, а культуру Южной Осетии считать более коллективистской, чем любую из других культур Кавказского региона;
- культуры Средней Азии являются высококонтекстными, коллективистскими, реактивными, значительно дистанцированными от власти;
- культуры *Беларуси, Украины, Приднестровья и Молдавии* относятся к высококонтекстным, коллективистским, реактивным, значительно дистанцированным от власти;
- якутская и башкирская культуры относятся к высококонтекстным, коллективистским, реактивным, значительно дистанцированным от власти;
- татарская культура является высококонтекстной, коллективистской, полиактивной, значительно дистанцированной от власти.

На основании проведенного исследования и анализа имеющихся научных источников можно сделать следующие выводы: 1) представители

полиактивных культур многословны и общительны; 2) представители реактивных культур в большинстве своем являются интровертами, при этом они хорошие слушатели и ориентированы на уважительное отношение к партнеру по коммуникации; 3) для достижения эффективности в общении между реактивщиками и полиактивщиками требуется некоторое время.

При организации учебного процесса преподавателю необходимо учитывать принадлежность студента к той или иной культуре, и в первую очередь – особенности коммуникативного контекста. Представители всех исследованных культур склонны относиться к преподавателю и администрации вуза с уважением и даже почтением. Башкиры и якуты обычно ждут, когда их «вызовут» на семинарских или практических занятиях; для них дискуссия – это обмен монологами. Преподаватель-экстраверт, относящийся к полиактивной культуре, может подумать, что студент, представляющий реактивную культуру, не участвует в дискуссии, поскольку не выучил задание, однако это не так: студент просто ждет, когда наступит его очередь говорить. При работе в парах или в команде среди студентов – выходцев из Кавказского региона может возникнуть борьба за лидерство. В ходе занятий необходимо осознавать, что башкирские и якутские студенты менее разговорчивы, нежели студенты из Кавказского региона. Студенты-узбеки более раскованы и активны, чем таджики и туркмены. Помимо этого, студенты из регионов России и ближнего зарубежья гордятся своей национальной культурой и чувствуют себя ущемленными, если преподаватель не проявляет к ней интерес.

Таким образом, успех субъект-субъектных отношений в значительной степени определяется готовностью

преподавателя осуществлять индивидуальный подход к студентам, что «предполагает повышение внимания к человеку, уважение его достоинства», развитие сильных сторон личности каждого независимо от национальной, гендерной, социальной принадлежности (Шишлова, 1992, с. 3), а также формирование способности к коммуникации в условиях поликультурного образовательного пространства вуза (Воевода, 2010, с. 36). Для развития человеческого (субъектного) потенциала студентов как основного ресурса эффективной учебно-профессиональной деятельности в образовательной организации должны быть созданы специальные условия, включающие «развитие организационных коммуникаций; создание благоприятного психологического климата; обогащение организационной культуры» (Шишлова, 2015, с. 86) и внимание к этнокультурной специфике студенческого коллектива с позиций современной типологии культур.

Литература

1. Воевода Е.В. Обучение лингвокультуре и коммуникации в условиях глобализации // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы 5-й Международной науч. конф. Рязань: Рязанск. гос. ун-т, 2010. С. 36–41.
2. Воевода Е.В., Павленко Д.А., Шагардинова Е. Поведенческие императивы в поликультурной образовательной среде // Среднее профессиональное образование. 2016. № 10. С. 52–55.
3. Жукова Е.А., Белогуров А.Ю. Терминологическая и содержательная вариативность поликультурного мировоззрения и его дальнейшие перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 2. С. 4–7.
4. Касаткин П.И., Харкевич М.В. Реформирование послевузовского образования в России: опыт МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 274–276.
5. Коннов В.И. Развитие системы высшего образования в России и за рубежом: теоретические ориентиры // Право и управление. XXI век. 2013. № 1. С. 28–36.

6. Костикова Л.П. Идеи поликультурности в рамках российского образовательного пространства // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008а. № 21. С. 22–38.
7. Костикова Л.П. Российское образование в условиях глобализации и поликультурного социума // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008б. № 6. С. 4–7.
8. Льюис Р. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013.
9. Махмутова А.А. Развитие полноценной личности: роль этнопсихологических ресурсов человека // Этнокультурная личность и конкурентоспособность: сб. статей. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 115–118.
10. Романова Е.А. Формирование ценностных ориентаций в подготовке к профессиональной деятельности обучающихся // Журнал научно-педагогической информации. 2009. № 3. URL: <http://www.paedagogia.ru/2009/75-03/182-romanova>.
11. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93.
12. Торкунов А.В. Перспективы евразийской экономической интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 9–11.
13. Шишлова Е.Э. Индивидуальный подход в процессе воспитания у детей гуманного отношения к сверстникам (старший дошкольный возраст): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992.
14. Шишлова Е.Э. Психолого-педагогический подход в управлении современными государственными и бизнес-организациями // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 82–87.
15. Hofstede, G., 2003. Cultures and Organization. Software of the Mind: Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. London: Profile Books Ltd.
16. Lewis, R.D., 2000. When cultures collide: managing successfully across cultures. London: Nicholas Brealey Publishing.
17. Trompenaars, F. and C. Hampden-Turner, 2004. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity. London: Nicholas Brealey Publishing.
3. Zhukova, E.A. and A. Yu. Belogurov, 2012. Terminological and substantial variability of polycultural outlook and its further prospects. Journal of Nekrasov Kostroma State University. Series Pedagogics. Psychology. Social work. Youth studies. Socio-kinetics, 18 (2): 4–7. (rus)
4. Kasatkin, P.I. and M.V. Harkevich, 2013. Reforming postgraduate education in Russia: experience of MGIMO. Bulletin of MGIMO-University, 2: 274–276. (rus)
5. Konnov, V.I., 2013. Development of the system of higher education in Russia and abroad: theoretical landmarks. Law and management. XXI century, 1: 28–36. (rus)
6. Kostkova, L.P., 2008(a). The ideas of multiculturalism within the Russian educational space. Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Esenin, 21: 22–38. (rus)
7. Kostkova, L.P., 2008(b). Russian education in the context of globalization and polycultural society. News of Volgograd State Pedagogical University, 6: 4–7. (rus)
8. Lewis, R. 2013. Collision of cultures. The guide for all who do business abroad. Moscow: published by Mann, Ivanov and Farber. (rus)
9. Makhmutova, A.A., 2008. Development of the well-rounded personality: the role of ethno-psychological resources of the person. In: Ethnocultural personality and competitiveness: collection of articles. Izhevsk: published by Udmurt State University: 115–118. (rus)
10. Romanova, E.A., 2009. Developing values in preparation for professional activity of students. Journal of scientific and pedagogical education, 3. URL: <http://www.paedagogia.ru/2009/75-03/182-romanova>. (rus)
11. Torkunov, A.V., 2012. Education as the “soft force” tool in the foreign policy of Russia. Bulletin of MGIMO University, 4: 85–93. (rus)
12. Torkunov, A.V., 2013. Prospects of the Eurasian economic integration. Bulletin of MGIMO University, 4: 9–11. (rus)
13. Shishlova, E.E., 1992. Individual approach in the course of teaching children the humane attitude towards peers (senior preschool age): abstract of Candidate's Thesis in Pedagogy. Moscow. (rus)
14. Shishlova, E.E., 2015. Psychological and pedagogical approach in the management of modern state and business organizations. Law and management. The XXI century, 4: 82–87. (rus)
15. Hofstede, G., 2003. Cultures and Organization. Software of the Mind: Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. London: Profile Books Ltd.
16. Lewis, R.D., 2000. When cultures collide: managing successfully across cultures. London: Nicholas Brealey Publishing.
17. Trompenaars, F. and C. Hampden-Turner, 2004. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity. London: Nicholas Brealey Publishing.

References